ПЕДАГОГИКА

Философия образования: современный взгляд

УДК 37

Педагогическое наследие политического тандема Крупской –
Луначарского

Pedagogical heritage of the political tandem Krupskaya - Lunacharsky

Смирнов И.П., Российская академия образования, ips2@list.ru

Smirnov I., Russian Academy of Education, ips2@list.ru

DOI: 10.51379/KPJ.2020.81.98.001

Ключевые слова: А.В. Луначарский, Н.К. Крупская, педагогика, трудовая школа, педагогика марксизма.

Keywords: A.V. Lunacharsky, N.K. Krupskaya, labor school, pedagogy of Marxism.

Аннотация. В статье показано, как в результате Октябрьской революции 1917 года было прервано развитие педагогической науки в России. В результате догматического прочтения идеи немецкого философа Карла Маркса, неверно интерпретированной вождем революции В.И. Лениным, был выдвинут ошибочный лозунг обязательного «соединения обучения с производительным трудом молодого поколения». Основываясь на нем, Н.К. Крупская навязала образованию тупиковую модель так называемой «трудовой школы». Она ввергла российскую школу в десятилетие хаоса и ошибок, привела к дезориентации педагогической общественности, разрушению системы профессиональных учебных заведений. Таков неизбежный результат любого политического вмешательства в образование и идеологии – в научную педагогику. Автор считает идею трудовой школы «русским крестом» отечественной педагогики, а степень ее восприятия – тестом на объективность и профессионализм российских ученых.

Крупская Надежда Константиновна (1869–1939 г.г.) – жена вождя революции В.И. Ленина, одна из идеологов педагогики марксизма и создателей советской системы народного образования, заместитель наркома просвещения РСФСР, доктор педагогических наук, почетный член АН СССР. С 1930 года была отстранена от работы в Наркомпросе и занялась вопросами библиотечной работы.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933 г.г.) – близкий соратник В.И. Ленина, первый нарком просвещения РСФСР, искусствовед, писатель, переводчик. В 1929 году смещен с поста наркома и назначен директором Института литературы и языка Коммунистической академии. Сторонник латинизации русского алфавита. Академик АН СССР.

Abstract. The article shows how, as a result of the October Revolution, 1917, the development of pedagogical science in Russia was interrupted. As a result of a dogmatic reading of the idea of the German philosopher Karl Marx, which was incorrectly interpreted by the leader of the revolution V.I. Lenin, the erroneous slogan was put forward of the obligatory “combination of education with the productive labor of the young generation”. Based on it, N.K. Krupskaya imposed an impasse on the model of the so-called labor school. It plunged the Russian school into a decade of chaos and mistakes, which led to disorientation of the pedagogical community, the destruction of the system of professional educational institutions. This is an inevitable result of any political interference in education and ideology – in scientific pedagogy. The author considers the idea of a labor school to be the “Russian cross” of Russian pedagogy, and the degree of its perception is treated as a test of the objectivity and professionalism of Russian scientists.

Krupskaya Nadezhda Konstantinovna (1869–1939) – the wife of the leader of the revolution V.I. Lenin, one of the ideologists of pedagogy of Marxism and the creators of the Soviet public education system, deputy commissar of education of the RSFSR, doctor of pedagogical sciences, honorary member of the USSR Academy of Sciences. Since 1930, she was removed from her position, and was engaged in library work.

Lunacharsky Anatoly Vasilievich (1875–1933) – a close associate of V.I. Lenin, the first People's Commissar of Education of the RSFSR, an art critic, writer, translator. In 1929, he was removed from his position as people's commissar and was appointed director of the Institute of Literature and Language of the Communist Academy. Supporter of the Latinization of the Russian alphabet. Academician of the Academy of Sciences of the USSR.

Примечание: Некоторые сюжеты данной статьи использованы автором в статьях «Иностранная фигура» и «От школы учебы к школе труда» (Учительская газета, №44, 45, 2020г.).

Обращение к трудам Анатолия Луначарского и Надежды Крупской позволяет понять печальную судьбу педагогических учений, созданных в период освободительного полувека, вызванного отменой крепостного права в России. Творческое наследие классиков отечественной педагогики (Н.И. Пирогов, В.П. Вахтеров, П.Ф. Каптерев, С.Т. Шацкий, Н.Н. Иорданский, В.Н. Вентцель, Л.Н. Толстой и др.) подверглись отрицанию без попытки извлечь из них полезное.

Наследие российских классиков педагогики смела Октябрьская революция 1917 года в полном созвучии с ключевым рефреном известного революционного гимна «Интернационал»: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим...». Разрушение началось решительно и беспринципно, ломали и стены, и фундамент. Комментируя предложение «стереть с лица земли все школы II ступени», в которых царит «весь дух старой средней школы», Н. Крупская находит его «недостаточно радикальным». Их, считает она, «должно убить в корне» [1, т.4, с.19].

С первых лет новой власти из Надежды Крупской, как жены В.И. Ленина, сделали педагогическую икону. Она сама выбрала для себя сферу деятельности – образование. «Начиная с 1917 года работаю по делу народного образования. Дело это люблю и считаю важным» - пишет она [1, т.1, с.6].

Декретом Совнаркома за подписью В.И. Ленина «Об организации дела народного образования в Российской республике», вместе с А. Луначарским, М. Покровским, П. Лепешинским, Н. Крупскую вводят в состав Государственной Комиссии по просвещению. Но «жене вождя» должности не нужны. Луначарский, еще со времен эмиграции называвший Крупскую «наша партийная мамаша» [2, с.59], всегда относился к ней как к своему опекуну. Он вспоминает, как на одной из случайных встреч в коридоре Смольного Ленин честно признался: «Не могу сказать, чтобы у меня была, какая-нибудь совершенно продуманная система мыслей относительно первых шагов революции в просвещенском деле». И тут же посоветовал «...обязательно переговорить с Надеждой Константиновной. Она много думала над этими вопросами и, мне кажется, наметила правильную линию» [3, с.101]. С тех пор

Крупская выполняла роль политического комиссара в образовании, не имея за плечами ни образования, ни достаточного педагогического опыта.

В сочинениях Н. Крупской указано на окончание ею с золотой медалью частной женской гимназии, хотя историки утверждают: «эту медаль никто не видел» [4]. Затем она поступает на высшие женские курсы, но «через пару месяцев сильно разочаровалась и бросила, стала учиться в кружках, читать Маркса». Усердно штудировала его «Капитал». Из ее воспоминаний: «Первые две главы были очень трудны, но, начиная с третьей главы, дело пошло на лад. Я точно живу воду пила. Не в толстовском самоусовершенствовании надо искать путь. Могучее рабочее движение – вот где выход». Словом, после гимназии учебы уже не было, «училась самоучкой, как умела», постигая, в основном, азы революционной борьбы [1, т.1, с.5-8].

Затем была работа учительницей в школе близ Петербурга, куда ходили рабочие с фабрик, и где обучение сводилось к тому, чтобы, «не поминая имени Маркса, разъяснять марксизм». Скорее, это был не учебный класс, а политический кружок, иначе, почему же, спустя пять лет «учительствования» она попадает в тюрьму. «Эти пять лет, влили живую кровь в мой марксизм» – как бы подтверждает такую гипотезу Крупская [1, т.1, с.10]. Вот таков был более чем скромный практико-педагогический опыт организатора советской школы.

В воспоминаниях Н. Крупской есть примеры ее знакомства с организацией образования за рубежом в период эмиграции, посещения школ. Оценки ею образования даются скорее политические, нежели педагогические. «Мне пришлось быть в Женеве. С невольным чувством зависти смотрела я на высокие, светлые школьные здания», – пишет Крупская в статье «В швейцарской школе». Чтобы получить право присутствовать на уроках, нужно было разрешение, и она сумела его получить. «Видно было, – делится Крупская впечатлениями, что они гордятся своей школой и уверены, что все в ней делается так, как следует, по всем правилам педагогического искусства, но, боже, какая это жалкая школа и какое это жалкое педагогическое искусство! На первом плане стоит дисциплина. Дети в классе не смеют шевельнуться, не смеют ничего спросить, не смеют ничего сделать по-

своему». Все вопросы ставятся так, что на них надо ответить или словами учительницы, или словами книжки. «Мертвая школа», – делает вывод Крупская [1, т.1, с.31-32]. Классовое чутье революционера подсказывало, что буржуазные школы не могут быть образцовыми.

В дореволюционных трудах Крупской детально, но субъективно, рассмотрены взгляды Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, Ф.-Э. Фелленберга, Р. Оуэна..., многими она была искренне восхищена. Но найти следы их педагогического наследия в новой советской школе не получится по той же причине априорного отрицания опыта буржуазного мира. Ни упоминаемой ею свободной школы шведки Эллен Кей. Ни института школьного самоуправления швейцарца Мартина Планта. Ни президента американского сената Гораса Мана, упразднившего министерство образования и передавшего управление образованием в руки общественного «Бюро образования». Революционеры отвергали любой зарубежный опыт, не обладая собственным.

Критические замечания Н. Крупской воспринимались как партийные порицания, и порою стоили человеку карьеры. После резкой критики Антона Макаренко на съезде комсомола (1928 г.) тот был в скором времени снят с руководства колонией им. Горького. В том же году негативный отзыв Крупской о детской сказке в стихах «Крокодил» Корнея Чуковского, отражавшей в себе события 1905–1907 годов, принудил поэта опубликовать покаянное письмо, в котором он отрёкся от сказок (после этого до 1942 года не написал ни одной сказки).

И, напротив, чиновники и ученые ловили случайные фразы Крупской, порою ориентировались даже не на ее слова, а на ее интонацию. «Нет никакого сомнения, что то, на что намекнула в своей речи товарищ Н.К. Ульянова (Крупская-И.С.), является, бесспорно, очень важным в конструкции внешкольного дела», – отмечает А. Луначарский в речи на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (1919 г.). Легкий «намеком» Крупской сразу превращается в стратегическое направление образовательной политики.

Кульм личности Крупской сохранился и после смерти Ленина. В ее статьях и устных выступлениях, как правило, звучали ссылки: «Мы с Владимиром Ильичом много раз обсуждали...» или «Ленин придавал большое значение...» и далее шла собственная интерпретация какой-либо проблемы, воспринимаемая уже как наказ самого вождя. До конца жизни она выступала в печати, оставаясь членом ЦК ВКП(б) и высших органов

власти. Речи и статьи Крупской фактически определяли контуры новой школы, цели коммунистического образования и воспитания. Можно утверждать, что фундамент советской школы был заложен не министерством просвещения, не первым наркомом Луначарским, а «женой Ленина».

Несколько по-иному предстает перед нами Анатолий Луначарский. Это истинный интеллигент, человек искусства и таланта. По свидетельству Льва Троцкого, Луначарский «читал на полудожине языков, в том числе на двух древних, и обнаруживал столь разностороннюю эрудицию, что её без труда хватило бы на добрый десяток профессоров» [5].

Будущий нарком просвещения жил в искусстве, театре, вдохновлялся новой пролетарской культурой. «Артистическая натура», – говорил о нем Ленин, и это была правда, в этом был весь Луначарский [3, с.8-10]. В перечне трудов Луначарского есть «Очерки марксистской теории искусств», «Диалог об искусстве», «Социальные основы искусства», «Культурные задачи рабочего класса», множество трудов о революционной борьбе и совсем немного – об образовании. Его перу принадлежит и несколько полудетективных пьес о стихийных бунтах беднейших слоев населения, которым не достает политической организации. Прожив 58 лет, он написал более двух тысяч критических статей, 40 пьес, много стихов. «В ряду замечательных людей-творцов должно быть названо и имя Луначарского», – писал Маяковский, нередко встречавшийся с ним на модных вечеринках в окружении молодых театральных звезд [3, с.2].

Кроме политики и искусства, настоящих увлечений у Луначарского не было, образование не было его призванием. «Школу я презирал. Учился в ней на тройки. Один раз остался на 2-й год, – честно пишет он. – По окончании школы получил «аттестат зрелости (далеко не блестящий), «4» – по поведению» [3, с.9]. Не будем ставить ему в упрек такое откровение, мало ли двоечников стало министрами, некоторые и неплохими. В Швейцарии он поступил в Цюрихский университет, но так его и не окончил, что для будущего наркома просвещения тоже не «плюс».

В книге «Воспоминания и впечатления» он отмечает себя как юношу, с необычайно ранних лет погруженного в политику. «Начиная с 5-го класса, началась для меня в политическом отношении новая жизнь», – рассказывает он с явным преувеличением собственной революционной значимости, чем любят

бравировать политические лидеры. Если поверить в написанное далее, в то время он уже создал кружок, из которого вскоре выросла «организация, охватившая все гимназии, реальные училища», в ней было не менее 200 участников. Пятиклассники, – пишет он с расчетом на наивного читателя, – с увлечением изучали труды Писарева, Добролюбова, Дарвина, Спенсера и нелегальную социал-демократическую литературу [3, с.8]. Таковую массовую любовь к политике и философии в начальной школе представить трудно.

Понимая, что немного перегнул, Луначарский позднее уточняет и даже поправляет себя: «настоящую политическую работу я начал в 7-м классе. Я вступил тогда в партийную организацию, работавшую среди ремесленников и пролетариев железнодорожного депо в предместье Киева» [3, с.8]. Но и этот биографический сюжет не вызывает доверия, если попытаться представить семиклассника, который был бы «бойким агитатором-пропагандистом» для повидавших жизнь и знавших ремесло людей. Еще труднее поверить в приводимый им пример: «главным руководителем этой организации был мой друг, ученик того же класса и той же первой гимназии Д. Неточаев» [3, с.8]. Такие биографические преувеличения делаются с целью оставить у потомков восторженную память «о людях, раз и навсегда бесповоротно сделавших своей профессией революцию» [2, с.18]. И еще, это привыкание к обману, который является атрибутом характера многих политиков. Простим и это, кто не грешен, раскрашивая свое прошлое?

Уже работая наркомом просвещения и, как бы оправдывая свое назначение, Луначарский лукавит: «Меня интересовали вопросы народного образования: в течение двух лет я обложился всякими книгами по педагогике, объезжал народные дома Швейцарии, посещал новейшие школы и знакомился с крупными новаторами в области воспитания» [3, с.34]. Лукавит, потому что в Швейцарию приехал в 1895 году, пробыл здесь не два, а менее одного года, затем путешествовал по Франции и Италии. Судя по его постоянному участию в бурных политических дебатах, съездах и конференциях, времени, для другого не оставалось. Образование никогда не входило в его сферу интересов. «Большевик, ставший внезапно во главе народного образования», – сам признавал А. Луначарский [3, с.35], – честное признание, которое с небольшой оговоркой могут сделать о себе многие министры образования России.

Работали Крупская и Луначарский сплоченно и долго, ориентируясь в образовательной политике не на педагогические, а на революционные задачи. Образно говоря, это был дружный политический тандем, «педали» которого крутили двое, но «рулила» им Крупская. Не отягощенные педагогическими знаниями, оба черпали вдохновение и выстраивали новую школу из идеологического наследия марксизма-ленинизма, весьма скудного на проблемы образования. Дополнять его приходилось собственными идеями, часто утопическими. «Нам как теоретикам пришлось выступать здесь на почти невозделанном поле, – вспоминал Луначарский. Какой же у нас был источник света для того, чтобы не заблудиться на этих путях? Полторы страницы, написанные Марксом для Женевского конгресса, и несколько отдельных фраз в других сочинениях» [6].

Разберем подробнее отмеченные Луначарским «полторы страницы». Принято считать, что Маркс внес поправки в раздел «Труд детей и подростков» резолюции Женевского конгресса, где было указано: «при разумном общественном строе каждый ребенок с 9-летнего возраста должен стать производительным работником» [7]. Одновременно в резолюции предлагалось ограничение продолжительности труда в зависимости от возраста подростков: дети от 9 до 12 лет – до 2 часов, от 12 до 15 – до 4, от 16 до 17 – до 6 часов. Применительно к эпохе Маркса, с характерным для того времени неизбежным и поголовным вовлечением детей из беднейших семей в работу на предприятиях, такая поправка вытекала из сложившейся реальности и была понятна.

Но известно, что уже в Программе РСДРП, принятой в 1903 году, такие рекомендации были признаны неприемлемыми для новой эпохи; и предлагалось запретить в России детский труд не до 9, а до 16 лет. Правда, Крупская назвала такое решение ошибочным. «Отрывать подростка от работы на фабрике, где выковывается его понимание жизни, классовое самосознание, и бросить его в эгоистическую атмосферу замкнутой семьи или в затхлые стены школы, оторванной от жизни, – значит затормозить дело подготовки годного человеческого материала», – считала она [т.4, с.3]. Это была одна из ее глубоких утопий, развернутых позднее в стратегическую установку новой педагогики. Добавим, для убедительности, что и сегодня на работу разрешается принимать подростков после исполнения 16 лет (ч. 1 ст. 63 Трудового Кодекса РФ).

Маркс и его соавторы по резолюции Женевского конгресса рекомендовали также не разрешать «ни родителям, ни предпринимателям пользоваться трудом несовершеннолетних, как только при условии соединения этого труда с образованием». Тоже верное и гуманное требование. Но вождь Октябрьской революции Владимир Ленин искажил эти слова в ставшей крылатой фразе: «Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения» [8]. Поясним, в чем состоит искажение: если К. Маркс имел в виду, что всякий трудящийся должен учиться, что вполне вписывается в современную концепцию непрерывного образования, то В. Ленин «перевернул» эту мысль и потребовал от каждого обучающегося, не указывая его возраста, обязательного участия в производительном труде.

В «Капитале» Маркса имеется определение «производительной рабочей силы», которая «дает большую стоимость, чем имеет она сама» [9]. А из фразы Ленина вытекает, что учащийся должен привлекаться не к самообслуживанию, не к работе «по дому» или на своем огороде, а о труде, создающему прибавочную стоимость. И это вторая его «поправка» Маркса. Партийный лидер России «высек в граните» искаженные им слова Маркса, которые стали прямым указанием привлечения школьников к производительному труду и уже не могли меняться ни по букве, ни по сути.

Но самое любопытное для историков педагогики другое – непреодоленные до сих пор сомнения в том, принадлежат ли, вообще, поправки к резолюции Женевского конгресса Марксу? Такие сомнения осторожно высказал признанный знаток Маркса Карл Каутский в статье, помещенной в «Neue Zeit»: «К сожалению, мы ничего не нашли относительно того, как Маркс обосновывал эту резолюцию в Генеральном Совете, хотя мы знаем, что каждое предложение предварительно самым внимательным образом взвешивалось и обсуждалось». Даже хранитель партийных архивов, директор Института Маркса и Энгельса, академик Давид Рязанов допуская, что резолюция написана Марксом, ничем не мог подтвердить этого [10].

Однако идеологи новой советской школы крайне нуждались в ссылке на политических кумиров – Маркса и Ленина, окончательно снимающей все сомнения в принципе обязательного совмещения обучения с производительным трудом. Возможные дискуссии по этой запутанной проблеме

Крупская решительно оборвала и подвела им политический итог: «Революция выбросила лозунг единой трудовой политехнической школы» [1, т.4, с.24]. Луначарскому оставалось лишь привычно поддакнуть «жене вождя», что по жизни ему приходилось делать многократно. Для придания «трудовой школе» видимости фундаментальной идеи, вытекающей из учения марксизма-ленинизма, нарком вслед за Крупской утверждает: «Идея Маркса, как известно, сводилась к тому, что правильно поставленное заводское ученичество есть самая идеальная форма народного образования» [11].

Это был откровенный блеф, Маркс говорил о пользе заводского ученичества для невольно поработанных трудом детей, но не предлагал его как идеал образования. Искаженная трактовка Лениным якобы принадлежащих Марксу слов, еще более произвольное их толкование Крупской и Луначарским – вот та методологическая основа, из которой родилась идея «трудовой школы» (по Крупской) и «пролетарской индустриальной школы» (по Луначарскому). На этой призрачной идее поскользнулось не одно поколение министров образования и отечественных ученых. Некоторые скользят и сейчас. Вот пример.

Проведенный в августе 2020 года опрос родителей учащихся показал, что треть из них считают необходимым для подростков «начинать зарабатывать уже в старших классах школы» [12]. Из этого делается поспешный вывод о привлечении старшеклассников к производительному труду как способе эффективной социализации молодежи. Но если сопоставить с этим данные Росстата, где указано на 26% детей, живущих в семьях с уровнем ниже прожиточного минимума (на селе свыше 45%), то данный вывод окажется неверным [13]. Возможно, что все проще и прозаичнее: число родителей, выступающих за раннее включение детей в производительный труд в России, точно соответствует числу не способных выжить без этого, а значит, страна возвращается в XIX век, когда подростки были вынуждены зарабатывать для семейного бюджета.

16 октября 1918 г. принимается «Декларация о единой трудовой школе». В спешке, либо по недосмотру, в заголовке забыли указать на ее политехнический характер, поэтому этот аспект пришлось поправлять в тексте принятого на следующий день декрета ВЦИК - «Основные принципы единой трудовой школы».

Термин «единая» был понятен и прост, означал равное и общедоступное образование. Принцип политехнизма был в новинку, и Крупской пришлось его разъяснять. В ее

рецензии на ряд статей, опубликованных в ярославском журнале, она возражает против его понимания как «многоремесленничества». И здесь же дает далекую от задач образования формулировку: «Под политехнизмом следует понимать нечто совершенно иное. Рабочий должен быть не только простым исполнителем той или иной функции, но также и организатором производства, а для этого он должен понимать роль этой своей функции и в общей структуре данной отрасли производства и значение данной отрасли производства во всей организации народного хозяйства» [1, т.4, с.16]. Выстраивать школу по такой формуле было все равно, что плутать по не имеющему выхода лабиринту.

Объяснить понятие «трудовая школа» оказалось и вовсе не под силу. В статье «Соединение обучения с производительным трудом в единой трудовой школе» Крупская признает: «Вопрос этот был мало разработан и свалился на большинство учителей как снег на голову [1, т.4, с.5]. Не только учителей, Луначарский замечал: «принцип так называемой трудовой школы не вполне понимается даже очень культурными товарищами, часто укладывается на практике в несколько уродливые формы» [6]. Иного трудно было ожидать, если вспомнить опыт зарубежных школ, споткнувшихся на этом принципе и не сумевших распространить его далее локального эксперимента.

При посещении Женевской школы Крупской объяснили, что преподавание ручного труда здесь давно упразднено. «Мы пробовали его вводить, но достигнутые результаты не соответствовали количеству затрачиваемых на этот предмет усилий, – объяснила учительница. Да и очень сложно и много пачкотни», – добавила она [1, т.1, с.32].

Против трудовой школы высказался Берлинский конгресс немецких учителей (1912 г.), материалы которого подробно разобраны в сочинениях Крупской. Там вопрос ставился принципиально: быть народной школе общеобразовательной или профессиональной? На конгрессе присутствовало около 8 тысяч человек, в том числе делегаты учительских союзов Австрии, Франции, Швеции, Бельгии. Открывший Конгресс немецкий психофизиолог Эрнст Вебер, назвал «мануалистами» тех реформаторов, которые ручной труд считают всеисцеляющим средством против всех зол нашей школы, которые думают, что ручной труд – лучшее воспитательное и учебное средство и требуют введения ручного труда во все остальные отрасли преподавания в качестве исходного

пункта умственного труда. Он критиковал трудовую школу как попытку «протащить с заднего крыльца» в общеобразовательную школу профессионализм и заметил, что трудовой метод неприменим к целому ряду предметов преподавания, например, к литературе, истории, религии и т.п.

Крупская знала, что Конгрессы союза немецких учителей 1857, 1882, 1889 и 1900 гг. последовательно высказывались против введения в число предметов преподавания ручного труда. Она признает: «Идея соединения обучения с производительным трудом, так энергично выдвигавшаяся в конце XVIII и начале XIX вв., очень быстро была сдана в архив» [1, т.1, с.97]. Верно, она была сдана в архив везде, кроме России. Крупская об этом знает, но упорствует в своем заблуждении, претворяя его в жизнь.

Еще в 1915 году Н. Крупская пишет статью с фатальным названием «Преобразование школы учены в школу труда. Неизбежность этого» [1, т.1, с.103-107]. Позднее публикует очерк «Народное образование и демократия», который в 1917 году примет форму одноименной книги, будет издан и сразу же разойдется по школам двумя тиражами по 20 тысяч экземпляров. Предисловие к четвертому изданию книги она начинает словами: «План ее был обсужден вместе с Владимиром Ильичом, книга была им просмотрена, о ней он писал Горькому». С таким предисловием книга «жены Ленина» была обречена на успех, всеобщее восхищение и восприятие ее наравне с партийной директивой. Так и произошло – «Трудовая школа, – объявляет Крупская, – стала одним из пунктов коммунистической программы» [1, т.1, с.75-76].

Внедрению идеи трудовой школы, по оценке Н. Крупской, мешал низкий культурный уровень «учителей старой школы, специально подобранных старым «министерством народного затемнения» из самых отсталых элементов, заброшенные в большинстве своем в глушь деревень... Над учительством нужна еще огромная работа, прежде чем оно сможет стать действительным руководителем трудовой школы» [1, т.1, с.76]. Опустим оскорбительную оценку ею российского учительства и заметим, что на самом деле, директива по переходу к «школе труда» столкнулась не с отсталостью, а со здравым смыслом учительства, понимавшего ее абсурдность, нереальность и стоящий за ним неоправданный революционный радикализм.

Разъяснения идеи трудовой школы были полны противоречий и безысходности. Еще в мае 1917 года, в статье «Школьная муниципальная программа» Крупская потребовала от местного

самоуправления «озаботиться устройством при школах мастерских, подвижных музеев, научных кинематографов, экскурсий и пр.» [1, т.1, с.280]. Несостоятельность такого административного указания в разрушенной революцией и гражданской войной России была настолько очевидной, что уже через год пришлось отыгрывать назад. «Понятие «соединение производительного труда с обучением» вовсе не включает в себя идею, что детский труд должен непременно происходить на территории школы, в стенах ее» [1, т.4, с.5] – отступает от своих жестких принципов Крупская. Но отступает только на словах, ибо создание трудовой школы уже записано в Программу партии.

Началось беспрецедентное политическое давление на школы, жалобы сыпались со всех сторон. В нарком просвещения пишут: «Мы не можем проводить в школе трудовое начало, потому что у нас при школе нет настоящих мастерских». Особенно много жалоб с требованием денег на оборудование мастерских из городских школ. Полностью отрываясь от реальности, Крупская, советует: «городские школы, как правило, должны на лето переезжать в деревню» [1, т.4, с.5-6] – это еще одна утопия Крупской.

Отвергаемую учительством идею пытается спасти Луначарский: «Лозунг, брошенный Н.К. Крупской и состоящий в том, что школа учебы, школа книги как последний схоластического обучения должна быть разрушена, и на месте ее должна быть создана школа производительного труда — этот лозунг был понят в очень многих случаях совершенно превратно» [6]. Но те разъяснения, которые дает он, еще более загоняют образование в тупик. На общем собрании членов союзов работников просвещения 22 мая 1923 г. В Томске он доводит идею до абсурда: «Трудовая школа, то есть та, которая по возможности выкинула бы всякую «учебу» [14]. Трудно поверить, что это сказано наркомом просвещения, но «что написано пером, не вырубишь топором».

Его поддерживает Крупская: «Современная передовая педагогика устанавливает, что наилучший метод усвоения знаний — это трудовой метод. Знания должны приобретаться не книжным путем, а усваиваться в процессе труда» [1, т.4, с.20]. В ход идут прямые фальсификации. «Помню такой случай, — пишет Крупская. На одной фабрике красный директор, узнав, что прислали студентов, решил, что они будут только мешать, и распорядился послать их в самый плохой цех. А затем вдруг докладывают ему, что в этом цехе повысилась

производительность труда. Почему? Оказывается, что студенты вовремя приходят, аккуратно работают, создали в цехе такую атмосферу, что поднялась производительность труда. Тогда решили их уже распределить по всем цехам. Такая живая черточка показывает, что шли по правильной линии [1, т.4, с.56]. Надуманными политическими аргументами и самообманом идеологам трудовой школы, возможно, удастся убедить себя, но убедить педагогическую общественность они еще не могут. Поэтому ей просто выкручивают руки, используя безграничные властные полномочия революционного времени.

В первом отчете Народного комиссариата просвещения перед высшим органом власти республики — Всероссийским центральным исполнительным комитетом (ВЦИК) 5 октября 1920 года Луначарский предлагает такую модель советского образования: «Это школа при фабриках. Учение должно происходить параллельно с работой на заводах и фабриках и только скругляется, суммируется в классах, получает там научное освещение» [6]. Эта модель получает одобрение власти, ведь всем известно, что ее настоящий автор — «жена вождя» Крупская.

На волне государственной поддержки начинает продвигаться идея самокупаемости школ за счет производимого учениками продукта. «Песталюцци был совершенно неправ, — считает Крупская, — когда хотел, чтобы производительный труд детей ограничивался предметами собственного потребления. Если бы это осуществилось, такая школа была бы мелкой замкнутой хозяйственной единицей, оторванной от общей экономической жизни страны [1, с.84].

Развертывание профессионального обучения в школе подталкивает пламенную революционерку Н. Крупскую к мысли о том, что от старого мира осталось еще кое-что, не сломанное до основания. В мае 1917 года она заявляет: «Единая всеобщая трудовая школа сделает ненужными специальные профессиональные школы современного типа». Тут же Отдел единой школы Наркомпроса выдвигает лозунг: «профессиональные школы закрывать и использовать их инвентарь для создания трудовых школ» [1, т.1, с.280].

Очень скоро и эта утопическая идея рушится, уже в сентябре 1920 года она признается ошибкой. «Мы должны были дать задний ход, средняя техническая школа должна пока существовать» — кается на заседании ВЦИК Луначарский. [6]. Он обещает в скором времени издать «декларацию, где будет подчеркнуто, что

единая трудовая школа не могла и не хотела нанести удар собственно техническому образованию» [15]. Сказано это поздно, профессиональная школа уже практически сломана. Ее будут вновь возрождать в тридцатые годы, создавая фабрично-заводские и железнодорожные училища.

На обеспечение идеологии трудовой школы была брошена вся педагогическая наука. «Есть такая у нас Академия коммунистического воспитания, и когда-то мы с т. Блонским много думали о том, как надо воспитывать современного педагога, чтобы он знал производство, знал деревню и фабрику. Тов. Блонский завел в Академии такой обычай, что студенты проводили первое полугодие на производстве не в качестве инженеров, докладчиков и т.д., а работали у станка. Это наложило печать на всю их работу, очень большую. Были интереснейшие доклады о работе на производстве» [1, т.4, с.56]. Представить сегодня, что слушатели Академии реализации государственной политики и профессионального развития работников образования Министерства просвещения РФ начинают курс обучения с полугодовой «работы у станка» невозможно, это выглядело бы какой-то дикостью.

Павел Блонский был самым усердным среди ученых, «обслуживающих» политический заказ на создание трудовой школы. Его монография «Трудовая школа» [16], по оценке современников, явилась первой книгой, представившей конкретный план перестройки школы на новой основе. «Труд в советской трудовой школе должен быть общественно полезным производительным трудом», – утверждал Блонский [13, с.365]. Предлагаемая им «замена класса мастерской, а уроков – работой» [13, с.180], означала уход в узкий и примитивный профессионализм. Не игра, не самообслуживание, не учебный труд с познанием его основ и даже не ремесленные навыки, а «научно-индустриальное образование» – таков стержень концепции «трудовой школы» Блонского, просуществовавшей довольно долго. В 1927 году Луначарский в статье «Социологические предпосылки советской педагогики» подтверждает неизбежность такого перехода к «глубоко пролетарской индустриальной школе» [17].

Посеянные Крупской семена «трудовой школы», как и любые сорняки, живучи и временами прорастают на плохо обработанных наукой педагогических полях. Мифы прошлого возвращаются и становятся фундаментом настоящего. Вместе с ними, наподобие маятника,

синхронно колеблется педагогическая наука: от восхваления идеи «трудовой школы» до ее отрицания. В зависимости от постоянно меняющейся в России политической линии.

Выброшенная «в дверь» идея трудовой школы вернулась через «окно» в декабре 1977 года, в виде постановления ЦК КПСС «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду». Ее снова сопровождали научные восторги ученых, поменявших педагогическую науку на идеологию. Точно по Н. Крупской, в Постановлении обновляется старая задача существенно улучшить трудовую подготовку школьников, которые к окончанию средней школы должны вплотную подойти к овладению определенной профессией. Был составлен временный перечень 750 массовых рабочих профессий, по которым могла организовываться профессиональная подготовка учащихся школ на базе межшкольных УПК, на рабочих местах базовых предприятий, в учебных цехах и др.

Широко рекламировался в те годы школьный завод «Чайка» в Москве, где трудилось более 4 тыс. учащихся. Они изготавливали радиоприемники, детские игрушки, печатную продукцию. Опыт создания школьных заводов накапливался не только в крупных, но и в небольших городах. В порыве политического рвения в отдельных школах предпринимались попытки обучения школьников профессиям сложного труда, опять же без необходимого учебно-методического обеспечения, достаточной материально-технической базы. Столкновение с высокими требованиями производства порождало у выпускников таких школ растерянность и разочарование, а впоследствии неизбежную потребность профессионального переобучения [18]. Пока жизнь в очередной раз не заставила снять со школы обязанность массовой профессиональной подготовки рабочих кадров. Как видно, до очередного политического заказа, который уже начинает формироваться вновь.

На заседании Госсовета России [2016 г.] губернаторы регионов бодро докладывали: в Томской области «завершается строительство третьей сельской школы с образовательной программой агротехнологической направленности». В Приморье эффективной оказалась модель классов «Роснефти». В регионах страны уже организовано восемнадцать «газпромовских» классов, в школах более чем 30 городов появились «Роснефть-классы» для детей старших классов. Понять школы можно – такая направленность позволяет им «облегчить жизнь»

за счет финансового потока, а промышленным гигантам – получить имидж «благотворителей». Однако как идея трудовой школы Крупской – Луначарского отражается на освоении общеобразовательной программы, еще никто не замерил.

Известный исследователь проблем сельской школы, академик РАО А.М. Цирульников в одной из своих книг задается старым вопросом: «Верной ли дорогой идём, товарищи, учитывая, что 100 лет назад классики педагогики заявляли: школы-хозяйства это ошибочная идея, педагогический архаизм?» [19].

Важно зафиксировать юридический аспект, когда идею производительного труда школьников пропустили через современный правовой фильтр, она оказалась противоречащей действующему законодательству. Челябинская прокуратура признала незаконными летние отработки на пришкольных участках, как и прополку и полив клумб на территории школы, уборку территории, ремонт книг в школьной библиотеке и другую деятельность, не предусмотренную учебным планом образовательного учреждения. Прокурор города обязал органы управления образованием направить в школы соответствующие разъяснения [20]. Кто-то может увидеть здесь некоторые крайности, но закон есть закон. «Принудительный труд запрещен», – гласит статья 37 Конституции РФ. К детям это относится в первую очередь.

Кстати, и президент В. Путин как-то заметил: «полы дети мыть не должны». Их должны мыть

те, кто получает за это зарплату [21]. Не следует вульгарно трактовать это как полное отчуждение школьников от труда, просто он не должен становиться средством для экономии бюджетных средств или их зарабатывания на детском принудительном труде. Тем более, становиться основой государственной образовательной политики, как это произошло во времена Луначарского-Крупской.

Прошлое российской школы, ее история у нас пока окрашены романтикой и идеализмом, любая ее критика рассматривается как покушение на святое, способна вызвать благородное негодование. Автор этих строк помнит, как во время рабочих визитов к министру образования России Евгению Ткаченко в его московский кабинет на Чистых прудах, тот с гордостью показывал книжный шкаф, которым еще пользовалась Крупская, и с благоговением клал руки на стол, за которым сидела Надежда Константиновна. К счастью, кабинетная мебель Крупской пережила ее кабинетные идеи.

Осталось и нам критически переосмыслить педагогическое наследие политического тандема Крупской – Луначарского, а их идеи «трудовой» или «глубоко пролетарской индустриальной школы» положить на самую дальнюю архивную полку и снимать оттуда только для поучения не знающих историю. Дать возможность юному поколению спокойно и глубоко, без политического вмешательства и самоокупаемого школьного труда осваивать богатства человеческого мироздания.

Литература:

1. Крупская Н.К. Педагогические сочинения: в 10-ти томах. – Т. 1. Автобиографические статьи. Дореволюционные работы (1899–1917 гг.) / Н.К. Крупская. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1957. – 510 с.
2. Луначарский А.В. Человек нового мира / А.В. Луначарский. – Москва: Агентство печати «Новости», 1980. – 69 с.
3. Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления / А.В. Луначарский // Сборник воспоминаний и очерков; сост., предисл. и примеч. Н.А. Трифонова. – М.: Советская Россия, 1968. – 376 с.
4. Коновалов А. Во имя революции. Надежда Крупская [Электронный ресурс] / А. Коновалов // Портал История РФ. – Режим доступа: <https://histrf.ru/biblioteka/b/vo-imia-rievoliutsii-nadiezhdakrupskaja>
5. Луначарский А.В., Радек К.Б., Троцкий Л.Д. Ситуэты: политические портреты / А.В. Луначарский, К.Б. Радек, Л.Д. Троцкий; под общ. ред. В.В. Журавлева, В.Т. Логинова, А.П. Ненарокова. – М.: Полигидат, 1991. – 463 с.
6. Луначарский А.В. Доклад на III сессии ВЦИК 7-го созыва (1920, 5 октября) [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский // Портал Наследие Луначарского. – Режим доступа: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ovospitanii-i-obrazovaniidoklad-na-iii-sessii-vcik-7-go-sozyva/>
7. Маркс К. Инструкция делегатам Временного Центрального Совета по отдельным вопросам [Электронный ресурс] / К. Маркс. – Режим доступа: <https://lit-ra.pro/sobranie-sochinenij-tom-16/marks-karl/read/28>
8. Ленин В. Перлы народнического прожектерства: полн. собр. соч., 5 изд., т. 2. / В. Ленин. – Москва: Издательство политической литературы, 1967. – 678 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: изд. второе, Т.26-1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва: Издание второе Государственное издательство политической литературы, 1962. – 478 с.
10. Пинкевич А.П. Педагогика и марксизм / А.П. Пинкевич. – Москва: Работник Просвещения, 1930. – 139 с.

11. Луначарский А.В. Социологические предпосылки советской педагогики // А.В. Луначарский о народном образовании. - М., 1958. - С. 394-402.

12. Третью россиян считает, что подростки должны подрабатывать во время учебы в школе [Электронный ресурс] [Загл. с экрана]. - Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/9327331>

13. Четверть детей в России оказались за чертой бедности [Электронный ресурс] [Загл. с экрана]. - Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd>

14. Луначарский А.В. Философия школы и революция [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский // Речь на общем собрании членов союзов работников просвещения и работников искусств 22 мая 1923 г. в Томске. Впервые опубликована в газете «Красное знамя». Томск, 1923, 7 июня. - Режим доступа: <https://knigism.online/s/17815>

15. Луначарский А.В. Задачи внешкольного образования в Советской России [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский // Речь, произнесенная на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 6 мая 1919 г. - Режим доступа: <https://knigism.online/s/17815>

16. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения / П.П. Блонский; сост.: Н.И. Блонская, А.Д. Сергеева; [Вступ. статья Ф. Королева]; Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т теории и истории педагогики. - Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. - 695 с.

17. Луначарский А.В. Социологические предпосылки советской педагогики [Электронный ресурс] / А.В. Луначарский. - Режим доступа: <https://knigism.online/s/17815>

18. Смирнов И.П. Человек — образование — профессия — личность: монография / И.П. Смирнов. - М.: Граф-пресс, 2002. - 419 с.

19. Цирульников А.М. В учениках у реальности: Книга-комментарий к серии книг «Неопознанная педагогика» [Электронный ресурс] / А.М. Цирульников. - Режим доступа: <http://rusacademedu.ru/news/neopoznannaya-pedagogika-proekt-anatoliya-cirulnikova-akademika-rao/>

20. Челябинская прокуратура признала незаконными летние отработки на пришкольных участках [Загл.с экрана] // Учительская газета (8 июня 2017 г.). - Режим доступа: <http://www.ug.ru/news/22015>

21. Труд сделал из мухи слона [Загл.с экрана] // Коммерсант (22.06.2017). - Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/3331494>

References:

1. Krupskaya N.K. Pedagogical works: in 10 volumes. - T. 1. Autobiographical articles. Pre-revolutionary works (1899-1917) / N.K. Krupskaya. - M.: Publishing house of the Academy of Pedagogical Sciences, 1957. - 510 p.

2. Lunacharsky A.V. A Human of the new world / A.V. Lunacharsky. - Moscow: News Agency Press, 1980. - 69 p.

3. Lunacharsky A.V. Memories and Impressions / A.V. Lunacharsky // Collection of memoirs and sketches; comp., foreword and note. N.A. Trifonova. - M.: Soviet Russia, 1968. - 376 p.

4. Kononov A. For the sake of the revolution. Nadezhda Krupskaya [Electronic resource] / A. Kononov // History Portal of the Russian Federation. - Access mode: <https://histrf.ru/biblioteka/b/vo-imia-rievoliutsii-nadezhda-krupskaya>

5. Lunacharsky A.V., Radek K.B., Trotsky L.D. Silhouettes: political portraits / A.V. Lunacharsky, K.B. Radek, L.D. Trotsky; under total. ed. V.V. Zhuravleva, V.T. Loginova, A.P. Nenarokova. - M.: Politizdat, 1991. - 463 p.

6. Lunacharsky A.V. Report at the III session of the All-Russian Central Executive Committee of the 7th convocation (1920, October 5) [Electronic resource] / A.V. Lunacharsky // Portal Heritage of Lunacharsky. -Access mode: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/o-vospitani-i-obrazovanii/doklad-na-iii-sessii-vcik-7-go-sozyva/>

7. Marks K. Instruction to the delegates of the Provisional Central Council on certain issues [Electronic resource] / K. Marx. - Access mode: <https://lit-rapro/sobranie-sochinenij-tom-16/marks-karl/read/28>

8. Lenin V. Pearls of populist projection: complete. collection cit., 5th ed., vol. 2. / V. Lenin. - Moscow: Publishing house of political literature, 1967. - 678 p.

9. Marks K., Engels F. Works: ed. second, T.26-1 / K. Marx, F. Engels. - Moscow: Second edition State publishing house of political literature, 1962. - 478 p.

10. Pinkevich A.P. Pedagogy and Marxism / A.P. Pinkevich. - Moscow: Worker of Education, 1930. - 139 p.

11. Lunacharsky A.V. Sociological premises of Soviet pedagogy // A.V. Lunacharsky on public education. - M., 1958. - S. 394-402.

12. A third of Russians believe that teenagers should earn extra money while studying at school [Electronic resource] [Zagl. from the screen]. - Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/9327331>

13. A quarter of children in Russia ended up below the poverty line [Electronic resource] [Title. from the screen]. - Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/07/08/2019/5d4985b39a79472d5365f1fd>

14. Lunacharsky A.V. Philosophy of school and revolution [Electronic resource] / A.V. Lunacharsky // Speech at a general meeting of members of the unions of educators and art workers on May 22, 1923 in Tomsk. First published in the newspaper "Red Banner". Tomsk, 1923, June 7. - URL: <https://knigism.online/s/17815>

15. Lunacharsky A.V. The tasks of the additional (non-school) education in Soviet Russia [Electronic resource] / A.V. Lunacharsky // Speech delivered at the 1st All-Russian Congress on Extracurricular Education on May 6, 1919 - Access mode: <https://knigism.online/s/17815>

16. Blonsky P.P. Selected pedagogical works / P.P. Blonsky; comp.: N.I. Blonskaya, A.D. Sergeeva; [Intro. article by F. Korolev]; Acad. ped. Sciences of the RSFSR. Institute of Theory and History of Pedagogy. - Moscow: Publishing house Acad. ped. Sciences of the RSFSR, 1961. - 695 p.

17. Lunacharsky A.V. Sociological preconditions for Soviet pedagogy [Electronic resource] / A.V. Lunacharsky. - URL: <https://knigism.online/s/17815>

18. Smirnov I.P. Man - education - profession - personality: monograph / I.P. Smirnov. - M.: Graf-press, 2002. - 419 p.

19. Tsiulnikov A.M. Being a pupil of the reality: Book-commentary to the series of books "Unidentified pedagogy" [Electronic resource] / A.M. Tsiulnikov. -

Access mode: <http://rusacademedu.ru/news/neopoznannaya-pedagogika-proekt-anatoliya-cirulnikova-akademika-rao/>

20. The Chelyabinsk Prosecutor's Office declared illegal summer labor on the school grounds [Caption from the screen] // Teachers' newspaper (June 8, 2017). - Access mode: <http://www.ug.ru/news/22015>

21. Labour made an elephant out of a fly [Caption from the screen] // Kommersant (22.06.2017). - Access mode: <http://www.kommersant.ru/doc/3331494>

13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования

Сведения об авторе:

Смирнов Игорь Павлович (г. Москва, Россия), доктор философских наук, член-корреспондент Российской академии образования.